

- 110 лет со дня рождения Анны Ахматовой
- 10 лет Музею Анны Ахматовой

Фонтанный Дом — Музей Анны Ахматовой отметил в июне сразу три юбилея: 110-летие со дня рождения Ахматовой, совпавшее с 10-летием самого музея, и, конечно, юбилей Пушкина, чье творчество Анна Андреевна много лет изучала как историк и литературовед. В музее открылась выставка «О, кто бы мне тогда сказал, что я наследую все это...».

Зинаида Серебрякова.
Портрет Анны Ахматовой. 1922.

Она прожила в садовом флигеле Шереметевского дворца на набережной Фонтанки три десятка лет. Это были трудные и трагические годы: нищета и вынужденное молчание, сталинские репрессии, арест сына и мужа, постановление «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». В 1952-м Ахматова была изгнана из Фонтанного Дома, и, казалось, навсегда. Только в 1989 г. удалось открыть музей, и ее имя вернулось в Фонтанный Дом. Постоянная экспозиция рассказывает о жизни и творчестве Ахматовой и воссоздает подлинную обстановку квартиры ее мужа, искусствоведа Николая Пунина. За десять лет собрано огромное количество материалов: портреты, автографы, документы, личные вещи и фотографии. Многие из них поступили в дар от коллекционеров, а также от людей, знавших и помнивших Анну Андреевну.

Главной идеей в концепции юбилейной выставки, озаглавленной ахматовской строкой из стихотворения "Наследница", стала идея наследия. «Эти стихи посвящены Царскому Селу, однако тема пушкинского наследия в жизни Ахматовой не ограничивается магическим кругом Царского Села, — говорит заведующая научно-экспозиционным отделом Галина Тимофеевна Савельева. — Их связывает Фонтанный Дом (как известно, в Шереметевском дворце Кипренский писал портрет поэта). Пушкинская тема звучала не только в ахматовской пирике, но и в ее фундаментальных трудах, исследованиях текстов, в раздумьях о судьбе поэта. Поэтому мы представили здесь рукописи подготовительных материалов и статей о Пушкине».

Своеобразной точкой отсчета юбилейной выставки в Фонтанном доме стали подписные листы торжественного заседания 11 февраля 1921 г. в Доме литераторов, где Блок читал знаменитое стихотворение "Пушкинскому Дому". На заседании, в президиуме которого были Кони, Блок, Ахматова, Гумилев, Ходасевич, Кузмин, Сологуб, ученые Щеголев, Модзалевский и многие другие известные люди, была принята "Декларация о ежегодном всероссийском чествовании памяти Пушкина в день его смерти". В ней были такие слова:

"Новая русская литература начинается с Пушкина и Пушкиным. До Пушкина наша литература была оранжерейным растением, утехой немногих любителей; на другой день после смерти — она общественное явление первостепенной важности, сила, внушающая невольное уважение, сила, с которой вынуждены считаться".

Подписные листы декларации (а также рукописи, издания Серебряного века с авто-

графами) переданы в музей вдовой петербургского коллекционера Моисея Семеновича Лесмана Натальей Георгиевной Княzewой по его духовному завещанию. Это собрание и положило начало музею Ахматовой.

Частью пушкинского наследия для Ахматовой был Петербург, о котором она писала в "Северных элегиях", что этот город "подчас умеет / Казаться литографией старинной", то есть памятью о пушкинском времени. Поэтому значительную часть выставки занимают графические работы петербургских художников 1910-1940 годов. Современники Ахматовой: Остроумова-Лебедева, Добужинский, Верейский, Гринберг и другие художники, запечатлевшие прекрасный и непостижимый город, — уловили его двойственность. С одной стороны, град чудесный и благословенный, символ победы над стихией, с другой — таящий в себе ужасы и фантазмагии, проклятие царицы Авдотьи: "Быть пусту месту сему!", которое Ахматова взяла эпитафией к одной из частей "Поэмы без героя". Ахматова после Пушкина объединила в одном произведении две стороны петербургского мифа.

Частью Петербурга стала для нас и сама Ахматова: представить этот город без ее облика, даже внешнего, невозможно. На юбилейной выставке собрано более 50 прижизненных портретов Анны Андреевны — знаменитые работы Зинаиды Серебряковой, Натана Альмана, Кузьмы Петрова-Водкина, Александра Тышлера, Натальи Данько и др. Некоторые портреты из частных собраний впервые видят даже специалисты (например, набросок черной тушью, сделанный А.И.Кузьминским в 1965 г. на машинописном экземпляре "Реквиема").

Одновременно с "серьезной" ахматовской выставкой в залах музея открылась "несерьезная" и не совсем обычная "Выставка народной любви" под девизом "Пушкин — это наше всё" (об аналогичной выставке в Москве см. "РМ" №4272). Тут представлены архивные фотографии 1937 и 1949 гг. из фондов Всероссийского музея Пушкина, когда юбилей отмечался на каждом заводе, в каждом общежитии, колхозницы и работницы позировали перед фотообъективом, погрузившись в чтение томика Пушкина, партактивы собирались на специальные заседания, а туркменские школьники рисовали "узоклазого" русского поэта. Живая иллюстрация к рассказу Михаила Булгакова, созданному под впечатлением юбилея 1937 года, когда герой-художник пишет портрет Пушкина, очень старается, но получается не Пушкин, а... Ноздрев. Впрочем, так было не только в советские времена. Экспонаты из фондов того же Пушкинского музея показывают столетний юбилей поэта: папиросы, духи, мармелад и конфеты "Пушкин", набор стальных перьев "Перо Пушкина". Не уступают им и экспонаты сегодняшнего дня: конфеты кондитерской фабрики имени Крупской, выпустившей к 200-летию конфеты "Гончарова" и "Пушкин".

А вот современные питерские художники ("Новые тупые", "Митьки" и др.) решили, что к юбилею нельзя относиться совершенно серьезно и включились в процесс "демократизации Пушкина", чтобы чудесный, легкий Александр Сергеевич не превратился в идола, чтобы не ушло живое отношение к нему. И, право, "23 этюда в поисках Пушкина" или картина "Пушкин, переодевшись в платье убитого им Дантеса, инкогнито покидает место дуэли" гораздо привлекательнее юбилейного китча.

"Наверное, не случайно такая выставка проходит именно в музее Ахматовой, — говорит Г.Т.Савельева. — Анна Андреевна была человеком с удивительным чувством юмора и замечательным собеседником, в основе ее творческого метода всегда был диалог, она открыта всему, поэтому в этих залах возможен любой жанр, возможен андеграунд, с которым она была связана, возможна игра. Музей Ахматовой — живой, его история только начинается: еще много белых пятен, а значит, много открытий..."

ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА
Санкт-Петербург